

Фильштинская Елена Геннадьевна

Старший преподаватель кафедры общей и клинической психологии,
Самарский государственный медицинский университет
e.g.filshtinskaya@samsmu.ru

Аборина Марина Владимировна

Старший преподаватель кафедры общей и клинической психологии,
Самарский государственный медицинский университет
m.v.aborina@samsmu.ru

Elena G. Filshtinskaya

Senior Lecturer of the Department of General and Clinical Psychology,
Samara State Medical University
e.g.filshtinskaya@samsmu.ru

Marina V. Aborina

Senior Lecturer of the Department of General and Clinical Psychology,
Samara State Medical University
m.v.aborina@samsmu.ru

Психологические характеристики лиц с бодимодификациями

Psychological characteristics of persons with body modifications

Аннотация. В данной статье рассматриваются психологические характеристики взрослых, имеющих такие формы бодимодификаций, как татуировки, пирсинг, тоннели, шрамирование, а также выполнявших инвазивные косметологические процедуры. В результате проведенного исследования было выявлено, что нанесение татуировок и их количество связано с возрастом обследуемых, с их склонностью к риску, с самооценкой ими своей коммуникабельности и склонности к нарушению правил, с мотивационными конфликтами, а также, что тоннели и шрамирование чаще встречаются у лиц, имевших опыт сексуального насилия.

Ключевые слова: бодимодификации, внутриличностные конфликты, склонность к риску, удовлетворенность телом.

Annotation. This article examines the psychological characteristics of adults who have such forms of body modification as tattoos, piercings, tunnels, scarring, as well as those who have performed invasive cosmetic procedures. As a result of the study, it was revealed that tattooing and their number are associated with the age of the subjects, with their propensity to take risks, with their self-esteem of their sociability and tendency to break the rules, with motivational conflicts, and also that tunnels and scarring are more common in people who have had experience of sexual violence.

Keywords: *body modification, intrapersonal conflicts, risk-taking, body satisfaction.*

Актуальность исследования. В последние два десятилетия модификации тела людьми разных половозрастных характеристик в нашей стране приобрели практически характер эпидемии. В США это явление получило развитие на десять лет раньше. В 2016 году 37% лиц старше 14 лет, которые были включены в исследование, проводимое в Германии, сообщили о наличии татуировки [10]. 10% населения современных западных обществ имеют ту или иную форму модификации тела, отмечал S. Wohlrab в 2007 году [14].

Если до этого времени приемлемыми были только проколотые мочки ушей у женщин, а татуировки рассматривались как признак социального неблагополучия носителя (принадлежности к тюремной или другой маргинализованной субкультуре), то сегодня они стали массовым явлением и отражают изменившееся отношение к своему телу. Сегодня нормой является пирсинг любых частей тела, покрытие татуировками больших участков кожи, а также совсем экзотические способы «украшения», например, шрамирование.

S. Jeffreys (2000) пишет о том, что в 1990-х годах развилась индустрия, основанная на стрижке, пирсинге и нанесении татуировок. Сюда же она относит косметическую хирургию, хирургию транссексуалов, диету и ношение обуви на высоком каблуке, объединяя их навязываемыми молодежи понятиями «мода» и «красота» и вкладывая в эти понятия негативный смысл [12].

А.Ю. Чукуров (2017) понимает тело как «механизм для реализации тех или иных смысложизненных задач» [8, с. 36]. В ответ на изменившиеся условия окружающей среды тело требует перестройки, в связи с чем сегодня бодимодификации стали частью повседневной культуры. Изменения тела дают человеку возможность выйти за пределы данного ему природой, получить особые качества.

Н.Л. Антонова (2020) на основании результатов исследования делает вывод, что «границы нормативности в телесности расширяются, молодое поколение оценивает бодимодификации как устойчивые и воспроизводимые практики, не оказывающие влияния на повседневную жизнь человека и его восприятие социумом» [1, с. 347].

Н.А. Польская (2014) под бодимодификациями понимает искусственные изменения тела, которые могут выполняться как самим человеком, так и с помощью специалистов [5]. В.А. Луков (2016) пишет о том, что бодимодификации представляют собой субкультурный феномен, заключающийся в осознанных и демонстративных (заметных для внешнего наблюдения действиях) по изменению тела различными способами. Среди разновидностей бодимодификаций сейчас, как правило, рассматривают татуировки и пирсинг, однако, к целенаправленным изменениям тела также можно отнести диеты, физические тренировки, пластические операции, инвазивные косметические процедуры, а также изменение цвета радужки, формы зубов, рассечение языка и половых органов и т.д. [4].

Поскольку многие из перечисленных процедур болезненны и необратимы, психологи задаются вопросами, какие люди решаются на подобные процедуры, для чего они это делают и что отличает их от людей, категорически отрицающих возможность кардинального изменения своего тела. На настоящий момент существует некоторое количество отечественных и зарубежных исследований данной проблемы, но, по нашему мнению, они не отвечают на данные вопросы и не охватывают все возможные варианты причин.

G.V. Forbes (2001) были изучены мотивы, семейный опыт и личностные характеристики более трехсот студентов с бодимодификациями по типу татуировок и пирсинга и без них. Полученные результаты выявили очень мало различий в детском опыте или личностных характеристиках сопоставляемых студентов, но показали, что татуировки и пирсинг у студентов колледжей связаны со значительно более рискованным поведением, большим употреблением алкоголя и марихуаны и меньшей социальной конформностью, чем у студентов, не прибегавших к модификациям своего тела [11].

S. Jeffreys (2000) утверждает, что подавляющее большинство потребителей этой «индустрии нанесения увечий» в западных культурах состоит из проблемных молодых людей, относящихся к социально неодобряемым или подавляемым социальным группам, среди которых, по мнению автора, молодые девушки и женщины, подвергавшиеся насилию, а также представители гомосексуального сообщества, таким образом «переписывающие» границы своего тела [12]. M. Ernst et al. (2022) в проведенном исследовании выявили, что татуировки и пирсинг были более распространены среди людей, которые сообщали о жестоком обращении и пренебрежении в детстве (эмоциональное, физическое и сексуальное насилие, эмоциональное и физическое пренебрежение) [10].

M. Atkinson (2004) в противовес преобладающей академической позиции, согласно которой приверженцы бодимодификаций являются «социальными неудачниками», рассматривает татуировки как просоциальный и аффективно регулируемый акт коммуникации, а не как патологический случай самоповреждения [9]. S. Wohlrab et al. (2007) обнаружили значимые различия в личностных чертах обследуемых с бодимодификациями и без них: молодые люди с модифицированным телом чаще склонны к поиску острых ощущений и беспорядочным половым контактам в сравнении с их немодифицированными сверстниками [14]. Авторы рассматривают эти различия в свете сигнальной функции татуировок и пирсинга в контексте поиска объектов для секса, что, в некотором смысле, созвучно с позицией M. Atkinson.

Ю.М. Бабин (2019) в исследовании с участием подростков, имеющих сознательно выбранные модификации тела (шрамирование, пирсинг) и подростков со шрамами, полученными в ходе операций, определил, что обследуемые с модификациями тела имеют значимо более выраженную склонность к девиантному и аддиктивному поведению [2].

В исследовании С.О. Кузнецовой и соавторов (2022) была выявлена значимая прямая взаимосвязь между количеством бодимодификаций и опытом пережитого насилия и семейных психотравмирующих событий. Также были

обнаружены значимые различия частоты психотравмирующих событий между группами обследуемых, имеющих и не имеющих пирсинга [3].

К.С. Хоменко и соавторы (2019) изучали взаимосвязь бодимодификаций и самооотношения у лиц от 18 до 30 лет. Полученные результаты показали, что между группами обследуемых с модификациями тела и без таковых нет значимых различий ни по показателям самооотношения, ни по уровню самооценки [7]. Подобный результат оказался неожиданным для самих исследователей и возможно был связан с недостаточно объемной и репрезентативной выборкой.

Изучение психологических характеристик студентов с бодимодификациями и их сверстников без телесных изменений М.В. Смирновой и соавторами (2020) показало следующее [6]:

— респонденты с телесными модификациями не удовлетворены тем, как реализуются их жизненные смыслы, у них отмечается снижение морального самоконтроля в связи с переоценкой и деструкцией ценностей;

— уровень самооотношения обследуемых с телесными модификациями ниже, чем у респондентов без модификаций, что приводит их к фиксации на своих недостатках, самообвинению, ожиданию негативного отношения окружающих;

— обследуемых с модификациями тела характеризует высокий уровень враждебности и аутоагрессии;

— в общении они используют незрелые формы психической защиты (агрессия и избегание), приводящие к кумуляции негативного аффекта с последующей разрядкой;

— респонденты с телесными модификациями склонны к формированию аддикций и саморазрушающему поведению.

Анализ литературных источников позволил сформулировать широкое определение понятия «бодимодификация», которое будет использовано в данном исследовании. Бодимодификация – это любое изменение тела и лица, сделанное субъектом добровольно и преследующее цель улучшения внешнего облика в соответствии с индивидуальными представлениями субъекта о красоте и привлекательности. Исходя из данного определения, к типам бодимодификации были отнесены татуировки, пирсинг, инвазивные косметологические процедуры, пластическая хирургия, бодибилдинг.

Целью проводимого исследования стало изучение психологических характеристик лиц разного пола и возраста, прибегающих к тем или иным бодимодификациям.

Выборка и методы исследования. Выборку исследования составили 50 человек (31 женщина и 19 мужчин) в возрасте 18-45 лет, имеющие какие-либо бодимодификации. Методы исследования: анкетирование и тестирование. Анкета составлена авторами исследования для выявления типов изменений тела и психологического анамнеза респондентов. В исследовании были использованы следующие психодиагностические методики: 1) опросник образа собственного тела (ООСТ, О.А. Скугаревский, С.В. Сивуха); 2) опросник уровня внутриличностной конфликтности (А.И. Шипилов); 3) опросник оценки

склонности к риску (RSK, Г. Шуберт в адаптации М.А. Котика). Математический анализ данных осуществлялся при помощи коэффициента ранговой корреляции Спирмена.

Изложение и анализ результатов исследования. В исследуемой выборке 12% имеют одну татуировку, а 40% - несколько татуировок. Пирсинг есть у 46% обследованных, тоннели и шрамирование есть у 6%. 14% делали инвазивные косметологические процедуры (татуаж), 2% - пластические операции. Психологическое или физическое насилие испытывали 50% обследованных, а сексуальное насилие – 14%.

В таблице 1 представлены результаты исследования образа собственного тела.

Таблица 1 - Результаты исследования образа собственного тела

Уровни	%
Легкая степень неудовлетворенности	8
Средняя степень неудовлетворенности	72
Высокая степень неудовлетворенности	20

В исследуемой выборке преобладают лица со средним уровнем неудовлетворенности своим телом. Они испытывают негативные эмоции, глядя на свое тело, сравнивают себя с другими людьми и чувствуют, что выглядят хуже, чем они, испытывают беспокойство и чувство вины и стыда за свой избыточный вес, полагают, что другие люди относятся к ним неодобрительно из-за их внешности. Пятая часть обследуемых имеет высокий уровень неудовлетворенности, они фиксированы на мысли о своем телесном несовершенстве.

В таблице 2 показаны результаты исследования внутриличностной конфликтности.

Таблица 2 - Результаты исследования внутриличностной конфликтности

Шкалы	Среднее значение	Уровень
Общий показатель	70,7	высокий
Мотивационный конфликт	9,6	средний
Моральный конфликт	12,2	высокий
Конфликт нереализованного желания	11,5	средний
Ролевой конфликт	12,8	высокий
Адаптационный конфликт	11,1	средний
Конфликт неадекватной самооценки	13,6	высокий
Мотивация	33,3	средний
Долженствование	36,0	высокий
Самооценка	36,1	высокий

Средний общий показатель внутриличностной конфликтности соответствует высокому уровню. Для обследуемых свойственны сложная иерархия потребностей и мотивов, нерешительность при высокой

ответственности, трудности социальной адаптации, ригидность, плохая переносимость перемен, ведомость, эмоциональная сензитивность, высокая тревожность. Наибольший вклад в конфликтность вносят конфликт неадекватной самооценки (диссоциация между притязаниями и реальными возможностями) и моральный конфликт (между собственными принципами и внешними требованиями). Наиболее конфликтными сферами являются сфера долженствования и самооценки.

В таблице 3 показаны результаты исследования склонности к риску.

Таблица 3 - Результаты исследования склонности к риску

Уровни	%
Низкий уровень	58
Средний уровень	38
Высокий уровень	4

Исследование склонности к риску в исследуемой выборке показало, что высокий уровень наблюдается только у 4%, преобладают же обследуемые с низким уровнем, избегающие лишнего риска в своей жизни.

В таблице 4 показаны результаты самооценки респондентами некоторых психологических параметров.

Таблица 4 - Результаты самооценки респондентами некоторых психологических параметров

Параметры	Среднее значение	Уровень
Оцените свою коммуникабельность	6,6	средний
Оцените свою склонность к нарушению общепринятых правил поведения	3,3	низкий
Оцените свою индивидуальность	6,7	высокий
Оцените свою честность перед самим собой	7,3	высокий
Оцените свою самоуверенность	6,5	средний
Оцените степень ожидания положительного отношения со стороны других людей	6,7	высокий
Оцените степень своего самообвинения	5,7	средний

Обследуемые максимально оценивают свою внутреннюю честность и минимально – свою склонность к нарушению общепринятых правил. Большинство респондентов считают себя достаточно коммуникабельными, самоуверенными и нравящимися людям, однако склонность к самообвинению в группе имеет средний уровень выраженности.

Корреляционный анализ показал, что чем старше обследуемые, тем больше у них татуировок ($r_s=0,535$ при $p<0,01$). Тоннели и шрамирование значимо чаще отмечаются у лиц, имевших опыт сексуального насилия ($r_s=0,381$

при $p < 0,01$), что согласуется с литературными данными. Наличие и количество татуировок имеет прямую значимую взаимосвязь с самооценкой обследуемыми своей склонности к нарушениям общепринятого поведения ($r_s = 0,360$ при $p < 0,05$), склонностью к риску ($r_s = 0,336$ при $p < 0,05$), мотивационными внутриличностными конфликтами ($r_s = 0,317$ при $p < 0,05$) и самооценкой своей коммуникабельности ($r_s = 0,378$ при $p < 0,01$). Наличие пирсинга значимо связано с уровнем самооценки обследуемыми своей самоуверенности ($r_s = 0,291$ при $p < 0,05$).

Выводы:

1. Чем старше обследуемые, тем больше у них татуировок, что позволяет предположить склонность к повторению однотипного поведения в ответ на какие-либо внутренние или внешние стимулы.

2. Тоннели и шрамирование значимо чаще отмечаются у лиц, имевших опыт сексуального насилия, что может быть связано с желанием снизить привлекательность своего тела для других людей или с протестом.

3. Обследуемые, считающие себя склонными к нарушениям правил и коммуникабельными, чаще наносят татуировки.

4. Мотивационные внутриличностные конфликты чаще выявляются у лиц с татуировками.

5. Уверенные в себе и склонные к риску обследуемые чаще решаются на пирсинг, чем неуверенные.

Таким образом, проведенное исследование показало, что бодимодификации по типу татуировок, пирсинга, тоннелей связаны с внутриличностным конфликтом, склонностью к нарушению правил и к риску и с уверенностью в себе. У лиц, сделавших татуировку, их количество увеличивается с возрастом, что свидетельствует об узости репертуара стратегии совладания. Бодимодификации косметологического типа и улучшающие телосложение не связаны с изучаемыми психологическими характеристиками.

Литература

1. Антонова Н.Л. Бодимодификация: практики татуирования в оценках молодежи / Н.Л. Антонова // Реформы в повседневной жизни населения России: история и современность. – СПб., 2020. – С. 345-350.

2. Бабин Ю.М. Роль бодимодификаций при выявлении девиантных форм поведения / Ю.М. Бабин // Известия Российской военно-медицинской академии. – 2019. – Т. 1, №. S1. – С. 21-25.

3. Кузнецова С.О. Взаимосвязь бодимодификаций и самоповреждающего поведения с психологическими травмами, пережитыми в детском возрасте / С.О. Кузнецова, К.А. Мустафина, М.В. Такмакова // Вестник Пермского университета. Философия. Психология. Социология. – 2022. – №. 3. – С. 479-493.

4. Луков В.А. Эксперименты с телесностью: боди-модификация как биосоциальный феномен / В.А. Луков // Вестник МАН РС. - 2016. - №1. - С 59-63.

5. Польская Н.А. Эмоционально-личностные корреляты модификаций тела / Н.А. Польская // Известия Саратовского университета. Сер.: Философия. Психология. Педагогика. - 2014. - Т. 14, № 2. - С. 84–90
6. Смирнова М.В. и др. Исследование личностных предикторов самоповреждающего поведения в форме телесных модификаций / М.В. Смирнова // Психопедагогика в правоохранительных органах. - 2020. - №2 (81). - С. 188-193.
7. Хоменко К.С. Особенности самовосприятия у людей с бодимодификациями / К.С. Хоменко, А.И. Широчина, Е.В. Павлова // Психологическое здоровье и развитие личности в современном мире. – Благовещенск, 2019. – С. 90-96.
8. Чукуров А.Ю. Бодимодификации и некоторые особенности их репрезентации в популярной культуре / А.Ю. Чукурова // Вестник психофизиологии. – 2017. – №. 3. – С. 33-39.
9. Atkinson M. Tattooing and civilizing processes: body modification as self-control / M. Atkinson // Canadian Review of Sociology/Revue canadienne de sociologie. – 2004. – Vol. 41, №. 2. – pp. 125-146.
10. Ernst M. et al. The association of childhood abuse and neglect with tattoos and piercings in the population: evidence from a representative community survey / M. Ernst et al. // BMC psychology. – 2022. – Vol. 10, №. 1. – pp. 1-10.
11. Forbes G.B. College students with tattoos and piercings: Motives, family experiences, personality factors, and perception by others / G.B. Forbes // Psychological reports. – 2001. – Vol. 89. – №. 3. – pp. 774-786.
12. Jeffreys S. Body art and social status: Cutting, tattooing and piercing from a feminist perspective / S. Jeffreys // Feminism & Psychology. – 2000. – Vol. 10, №. 4. – pp. 409-429.
13. Sweetman P. Anchoring the (postmodern) self? Body modification, fashion and identity / P. Sweetman // Fashion Theory. – Routledge, 2017. – pp. 292-314.
14. Wohlrab S. et al. Differences in personality characteristics between body-modified and non-modified individuals: associations with individual personality traits and their possible evolutionary implications / S. Wohlrab et al. // European Journal of Personality: Published for the European Association of Personality Psychology. – 2007. – Т. 21, №. 7. – С. 931-951.

References

1. Antonova N.L. Body modification: tattooing practices in the assessments of youth / N.L. Antonova // Reforms in the daily life of the Russian population: history and modernity. – St. Petersburg, 2020. – pp. 345-350.
2. Babin Yu.M. The role of body modification in the identification of deviant behaviors / Yu.M. Babin // Proceedings of the Russian Military Medical Academy. - 2019. – Vol. 1, No. S1. – pp. 21-25.
3. Kuznetsova S.O. Interrelation of body modification and self-harming behavior with psychological traumas experienced in childhood / S.O. Kuznetsova,

K.A. Mustafina, M.V. Takmakova // Bulletin of the Perm University. Philosophy. Psychology. Sociology. - 2022. – No. 3. – pp. 479-493.

4. Lukov V.A. Experiments with physicality: body modification as a biosocial phenomenon / V.A. Lukov // Bulletin of the Russian Academy of Sciences. - 2016. - No. 1. – pp. 59-63.

5. Polskaya N.A. Emotional and personal correlates of body modifications / N.A. Polskaya // Proceedings of the Saratov University. Ser.: Philosophy. Psychology. Pedagogy. - 2014. - Vol. 14, No. 2. - pp. 84-90

6. Smirnova M.V. et al. The study of personal predictors of self-harming behavior in the form of bodily modifications / M.V. Smirnova // Psychopedagogy in law enforcement agencies. - 2020. - №2 (81). - pp. 188-193.

7. Khomenko K.S. Features of self-perception in people with body modifications / K.S. Khomenko, A.I. Shirochina, E.V. Pavlova // Psychological health and personality development in the modern world. – Blagoveshchensk, 2019. – pp. 90-96.

8. Chukurov A.Yu. Body modification and some features of their representation in popular culture / A.Yu. Chukurova // Bulletin of Psychophysiology. - 2017. – No. 3. – pp. 33-39.

9. Atkinson M. Tattooing and civilizing processes: body modification as self-control / M. Atkinson // Canadian Review of Sociology/Revue canadienne de sociologie. – 2004. – Vol. 41, №. 2. – pp. 125-146.

10. Ernst M. et al. The association of childhood abuse and neglect with tattoos and piercings in the population: evidence from a representative community survey / M. Ernst et al. // BMC psychology. – 2022. – Vol. 10, №. 1. – pp. 1-10.

11. Forbes G.B. College students with tattoos and piercings: Motives, family experiences, personality factors, and perception by others / G.B. Forbes // Psychological reports. – 2001. – Vol. 89. – №. 3. – pp. 774-786.

12. Jeffreys S. Body art and social status: Cutting, tattooing and piercing from a feminist perspective / S. Jeffreys // Feminism & Psychology. – 2000. – Vol. 10, №. 4. – pp. 409-429.

13. Sweetman P. Anchoring the (postmodern) self? Body modification, fashion and identity / P. Sweetman // Fashion Theory. – Routledge, 2017. – pp. 292-314.

14. Wohlrab S. et al. Differences in personality characteristics between body-modified and non-modified individuals: associations with individual personality traits and their possible evolutionary implications / S. Wohlrab et al. // European Journal of Personality: Published for the European Association of Personality Psychology. – 2007. – T. 21, №. 7. – C. 931-951.